

Дочь
философа
Шпета

Дочь философа Шпета

в фильме ЕЛЕНА ЯКОВИЧ

Полная версия
воспоминаний
Марины Густавовны
Шторх

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я47

Издательство благодарит за предоставленные фотографии М. Г. Шторх, Е. В. Пастернак, М. А. Реформатскую, О. С. Северцову, О. И. Демушкину; Музей-заповедник “Поленово”, Государственный Литературный музей, Енисейский краеведческий музей, Красноярский краевой краеведческий музей, Мемориальный музей “Следственная тюрьма НКВД” в Томске.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Якович, Елена

Я47 Дочь философа Шпета в фильме Елены Якович. Полная версия воспоминаний Марины Густавовны Шторх / Елена Якович. — Москва : АСТ : CORPUS, 2015. — 219, [5] с.

ISBN 978-5-17-079813-1

В 1922 году, когда из России были изгнаны лучшие ее умы, выдающийся русский философ Густав Шпет отказался покинуть страну на так называемом “философском пароходе”. В 1937-м он заплатил за это жизнью. Его младшая дочь Марина родилась в 1916-м. На ее долю выпали все тяготы эпохи, но два десятилетия рядом с отцом она вспоминает как праздник. Ученик Гуссерля, блестящий мыслитель, эрудит и неподражаемый собеседник, Шпет дружил с Андреем Белым, Качаловым, Москвиным, Балтрушайтисом, Щусевым, Пильняком, в доме собирался цвет интеллигенции. Эта книга не просто воспоминания, а никогда не прекращающийся диалог дочери с отцом, расстрелянным, когда ей был двадцать один год. В ее рассказе проходит жизнь нескольких поколений семьи, где среди предков были Гучковы, Зилоти, Рахманиновы, а среди родственников Екатерина Максимова и Борис Пастернак.

Режиссер Елена Якович, автор фильмов об Иосифе Бродском, Василии Гроссмани, Сергее Довлатове, создала эту книгу по своему фильму “Дочь философа Шпета” и тридцатичасовой записи бесед с 96-летней Мариной Густавовной Шторх, чья удивительная память и богатейший архив писем и фотографий сохранили в подробностях эту уникальную часть истории XX века.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-079813-1

- © Е. Якович, 2014
- © М. Шторх, 2014
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2014
- © ООО “Издательство АСТ”, 2014
- Издательство CORPUS ®

Предисловие

Эта книга получилась из разговоров с Мариной Густавовной Шторх о судьбе ее отца, выдающегося философа русского “серебряного века” Густава Шпета; о ее жизни, вместившей в себя почти все двадцатое столетие; о встречах с людьми, без которых невозможно представить себе российскую культуру. Я записывала Марину Густавовну для фильма “Дочь философа Шпета”, сделанного для канала “Культура” и показанного в эфире в январе 2013-го. Но очень многое в фильм не вошло, и возникла идея книги.

Наша с ней история началась 7 августа 2011 года. В тот день Марина Густавовна приплыла на катере из Тарусы. Там она обычно проводит лето. Дело было в Поленове, где гостила ее внучка, художница Катя Марголис, которая живет в Венеции. Это был Катин день рождения. И накануне только и было разговоров — бабушка собирается сюда, да через Оку, и как же это будет, и в каком именно из бревенчатых, еще поленовских времен домиков, разбросанных по территории музея-усадьбы, ее разместить. Причем никто не обсуждал, по силам ли это Марине Густавовне, тогда 96-летней, а просто наступило какое-то общее оживление и взволнованность. И вот она появилась — в цветастой юбке в пол,

в блузке с высоко поднятым стоячим воротником и с какой-то необыкновенно прямой, гимназической осанкой. В руках она держала букетик васильков и узелок с десертом, приготовленным по семейному рецепту 1908 года, — подарки для Кати. А за спиной был маленький рюкзачок. Я спросила: “А что у вас в рюкзаке?” “Ничего, — ответила Марина Густавовна. — Просто негоже путешествовать налегке”. Так мы познакомились.

Мы стояли в самом центре поленовской усадьбы — на большой поляне между флигелем и конюшней, в деревянном загоне бродили кони. Она сказала: “В двадцать пятом году мы водили отсюда лошадей на водопой к Оке, и сын художника, Дмитрий Васильевич, иногда позволял нам, детям, сделать круг верхом. А по этой вот аллее проходила к флигелю, где тогда умирал Василий Дмитриевич Поленов, очень красивая женщина, и мы потом узнали, что это Анна Васильевна Тимирёва, невенчанная жена Колчака...”

И я поняла, что мне придется ее записывать.

Вскоре она снова приехала из Тарусы в притихшее осеннее Поленово уже специально для разговора. А под Рождество, в Москве, мы проговорили целую неделю с утра до вечера, закрывшись от предпраздничной суматохи в ее совершенно нездешней комнате, где каждая вещь и каждая фотография имели свою судьбу, как правило трагическую. К концу дня мы с оператором Александром Минаевым падали от усталости; Марина Густавовна держала осанку. От ее близких знаю, что этот гимназический облик она приобрела уже в поздние годы. Словно сквозь нее проявилась эпоха, унесенная бурями двадцатого века. И все бесчисленные поколения Гучковых, Зилоти, Рахманиновых, давно ушедших людей этого круга и масштаба, придали силы и убедительности ее голосу. К тому же от своего отца, философа Шпета, Марина Густавовна унаследовала гениальную память на детали быта и времени.

Потом я проехала по скорбному маршруту Красноярск — Енисейск — Томск, тому самому, что пришлось проделать при иных обстоятельствах и в других условиях Густаву Густавовичу Шпету. Вслед за ним последовали его жена и дочери, включившись в извечное российское броуновское движение в Сибирь и из Сибири. В 1935-м у них еще была возможность добровольно разделить его участь.

Мы записали с Мариной Густавовной тридцать часов. В фильм “Дочь философа Шпета” вошло два. Он заканчивался ноябрем 1937-го, когда расстреляли ее отца. Марине Густавовне был тогда двадцать один год. Но эта книга — полная версия нашего с ней разговора.

Книга получилась о том, как изгоняли интеллект из России. И о том, как он сопротивлялся доступными лишь ему, интеллекту, способами.

В том числе — памятью культуры.

Елена Якович

Слова благодарности

Эта книга была бы невозможна без благожелательной поддержки семьи Марины Густавовны Шторх:

Натальи Рудановской, Елены Орловской, Кати Марголис, Ани Марголис, Леонида Марголиса;
Елены Владимировны Пастернак и Петра Пастернака.

Особая благодарность:

Николаю Серебренникову, автору книги “Шпет в Сибири. Ссылка и гибель”, и Ольге Геннадьевне Мазаевой, заведующей кафедрой философии и логики Томского государственного университета;

Марии Реформатской — за материалы по истории Алферовской гимназии;

Наталье Грамолиной, Наталье Поленовой, музею-заповеднику “Поленово”, где я впервые увидела Марину Густавовну.

Благодарю за помощь:

Александра Крюкова, Золика Мильмана, Александра Минаева, Владимира Макарихина, Виктора Мучника, Марину Пономареву;

Красноярский краеведческий музей;

Енисейский краеведческий музей;
Мемориальный музей “Следственная тюрьма НКВД” в Томске.

Выражаю признательность каналу “Культура” и лично Сергею Леонидовичу Шумакову, Наталье Борисовне Приходько. Без их поддержки фильм “Дочь философа Шпета” не состоялся бы.

И конечно, благодарю Варю Горностаеву и Иру Кузнецову за то, что настояли на книге.

Елена Якович

Дочь философа Шпета

Проснулась улица. Глядит, усталая
Глазами хмурыми немых окон
На лица сонные, от стужи алые,
Что гонят думами упорный сон.
Покрыты инеем деревья черные, —
Следом таинственным забав ночных,
В парче сияющей стоят минорные,
Как будто мертвые среди живых.
Мелькает серое пальто измятое,
Фуражка с венчиком, унылый лик
И руки красные, к ушам прижатые,
И черный фартучек со связкой книг.
Проснулась улица. Глядит, угрюмая
Глазами хмурыми немых окон.
Уснуть, забыться бы с отрадной думою,
Что жизнь нам грезится, а это — сон!

Эти стихи пятнадцатилетняя Марина Цветаева написала в 1908 году в альбом моей маме Наташе Гучковой, когда они обе учились в Алферовской гимназии. Там, в Ал-

феровской гимназии, приблизительно в это же время мама встретила моего папу — молодого философа Густава Шпета.

В 1920 году Юргис Балтрушайтис, один из его ближайших друзей, поэт, который стал представителем, а потом и первым послом независимой Литвы в Москве, предложил сделать для всей семьи Шпета литовские паспорта, чтобы мы могли спокойно и законно выехать за границу. Папа отказался. Он считал, что нельзя бросать свою страну, когда она в беде.

В 1922 году был организован под эгидой Ленина так называемый “философский пароход”, чтобы отправить часть наших русских ученых за границу, потому что им здесь не место, в Советской России. Отец был в этом списке вместе с Бердяевым, Трубецким, Франком и другими, составившими цвет отечественной философии. Но папа обратился к Луначарскому, которого знал с юности, с просьбой вычеркнуть его из списка, так как эмигрировать он не хочет и это его принципиальная позиция. Что Луначарский и сделал, на его горе.

15 марта 1935 года папу арестовали.

В этот день моя жизнь переломилась пополам.

1

Очень сложный двадцатый век. Я его ощущала как лоскутное одеяло — то получше, то похуже; то посытнее, то очень голодно; то мирно, то война.

Я родилась в 1916 году, я прожила почти век. “Война” и “голод” — одни из первых слов, которые я осознала.

В моем детстве “война” значила только Первая мировая, про гражданскую у нас в доме как-то не говорили. На Первой мировой сгинул любимый мамин младший брат Володя, это я потом поняла, что он был в Белой армии, пути возврата ему были заказаны, и он уехал в Германию.

Знаю от мамы, что в послереволюционные годы в Москве был самый настоящий голод, где-то с восемнадцатого по двадцать первый. Ощущения голода я не помню. Но помню, как мы сидим все вместе в столовой и вдруг кто-то из взрослых говорит: “Уж лучше пить чай с солью, чем совсем без сахара”. Я удивилась: как так можно, с солью пить чай? Уж лучше совсем без...